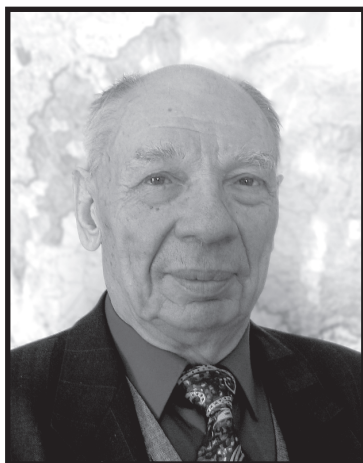

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ЯКОВЛЕВИЧА ЕЛЬМЕЕВА (1928 – 2010)

Санкт-Петербургский государственный университет понес невосполнимую потерю. 8 июля 2010 г. не стало Василия Яковлевича Ельмеева, профессора кафедры экономической социологии.

Родом из крестьянской семьи мордовского села Сузгарье, Василий Яковлевич рано проявил способности и интерес к интеллектуальному труду. Быстрый ум и сильный характер способствовали его продвижению в области образования и науки. После сельской семилетней школы он успешно окончил Саранское педагогическое училище. Став студентом философского факультета Ленинградского государственного университета в победном 1945 г., он все последующие 65 лет своей жизни провел в университете. С 1951 по 1965 г. Василий Яковлевич работал на кафедре диалектического и исторического материализма, пройдя путь от ассистента до профессора и защитив кандидатскую (1953) и докторскую (1963) диссертации в области философии. Таким образом, в контексте послевоенных тенденций и течений были заложены фундаментальные основы его философско-теоретических воззрений на общество. В тот период его научные интересы были связаны с решением проблемы соотношения между наукой и производством в контексте процессов социально-экономического развития советского общества.

С 1965 по 1968 гг. Василий Яковлевич являлся первым директором созданного при университете Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ). В этом статусе он стал участником 6-го Всемирного социологического конгресса во французском городе Эвиане в 1966 г., где состоялись его встречи с легендар-

ными социологами XX столетия — Питиримом Сорокиным, Талкоттом Парсонсом, Робертом Мертоном. Данное десятилетие ознаменовалось усилением интереса Василия Яковлевича к эмпирическим исследованиям в социологии. В 1968 г. он возвращается на философский факультет в качестве профессора, сосредоточившись на вопросах планирования социального и экономического развития предприятий и районов Ленинграда и области.

В следующее десятилетие своего творческого пути Василий Яковлевич возвратился к первоначальным размышлениям о социальной природе науки, но в совершенно новом свете, с новым исследовательским арсеналом. В 1971 г. он перешел на экономический факультет университета, где до 1984 г. возглавлял основанную им кафедру экономики исследований и разработок. Стремление к более глубокому изучению экономики науки привело его в 1977 г. к защите второй докторской диссертации, уже в области экономической науки.

Тем не менее, последующее научное развитие Василия Яковлевича оказалось в русле становления социологической науки в нашей стране. Новый шаг академического пути Василия Яковлевича выразился в создании в 1984 г. на экономическом факультете кафедры прикладной социологии. За пять лет работы в качестве заведующего этой кафедрой он обратился к фундаментальным проблемам социологической теории, в особенности к теории воспроизводства общества и концепции прикладной социологии. Одновременно им велась интенсивная подготовительная работа по созданию в университете факультета социологии, что удалось реализовать в 1989 г. Следующий этап карьеры Василия Яковлевича выразился в создании кафедры экономической социологии, где он проработал с 1993 по 2010 г. в качестве профессора. За это время им был сделан существенный вклад в развитие социологической методологии, экономической социологии и, главным образом, трудовой теории потребительной стоимости.

Трудовая биография Василия Яковлевича Ельмеева раскрыла его талант одновременно как ученого, как педагога и как организатора.

Как ученый Василий Яковлевич стал признанным авторитетом в области философии, социологии и экономической теории. Особую ценность имеют его работы по социологическому методу, по теории социального воспроизводства, по прикладной и экономической социологии, по планированию социального развития, по трудовой теории потребительной стоимости. За 56 лет им опубликовано свыше 380 печатных работ, в том числе более 20 монографий. Самые значительные его труды — «Наука и производительные силы общества» (1959), «Проблемы социального планирования» (1973), «Основы экономики науки» (1977),

«Воспроизводство общества и человека» (1988), «Прикладная социология: очерки методологии» (1994), «Социологический метод: теория, онтология, логика» (1995), «Социальная экономия труда: общие основы политической экономии» (2007), «Философские вопросы теоретической социологии» (2009).

Василий Яковлевич преподавал около 20 различных курсов на трех факультетах университета и подготовил не одну сотню выпускников, а также более 80 кандидатов и докторов наук. Среди наиболее известных — В.У. Агеевец, С.В. Валдайцев, Ю.В. Веселов, В.В. Воронов, Н.А. Волчков, В.Г. Долгов, Н.Ф. Дюдяев, В.И. Катенев, В.Г. Комаров, Н.Н. Молчанов, С.В. Осипов, Н.А. Пруель, А.Н. Сошнев, В.Я. Фетисов.

Василий Яковлевич всегда занимал активную жизненную позицию и с большим энтузиазмом принимал участие в общественной жизни университета. На протяжении 45 лет он был членом Ученого совета университета, входил в факультетские ученые и диссертационные советы. Василий Яковлевич являлся действительным членом Петровской академии наук и искусств, Международной академии организационных и управленческих наук, Академии социальных наук. Он имеет множество наград, среди которых золотая медаль ВДНХ СССР (1970), нагрудный знак Минвуза СССР «За отличные успехи в работе» (1978), почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1988).

Нам, интеллектуально близким ему людям, будет очень не хватать Василия Яковлевича Ельмеева в нашей научной и образовательной деятельности. Но пока мы его помним, он будет вместе с нами.

Друзья, коллеги, ученики

8 июля 2010 г. ушел из жизни Василий Яковлевич Ельмеев, наш дорогой друг и учитель. «Вася-ломанен» — называл он себя, что по-мордовски означает «Вася-человек», и вправду, это был Человек с большой буквы, Человек, отдавший всю свою жизнь университету и науке. Мне повезло — я всю свою сознательную жизнь был рядом с Василием Яковлевичем, сначала я учился у него, защищал под его руководством кандидатскую диссертацию, затем работал с ним вместе на кафедре экономической социологии. Но теперь, когда он умер, время стало для меня каким-то «ненастоящим» — я никак не могу понять, — как это так, Ельмеева нет, ведь он всегда был в университете, нас еще не было, а он всегда был. Я помню, что когда я в 1981 г. пришел в университет на экономический факультет, его работы 1950-х и 1960-х уже казались «древними»,

но сам он выглядел моложе и живее всех остальных на факультете. Мне надо было выбирать научного руководителя, я записался в кружок Ельмеева (тогда это назвалось СНО, студенческое научное общество) — меня привлекли, прежде всего, названные им темы, они отличались необыкновенной широтой и многогранностью. В.Я. Ельмеев не занимался сиюминутными или злободневными проблемами (и где, кстати, сегодня все эти актуальные проблемы 1980-х?), он рассматривал экономику с философской и социологической точки зрения. Он ставил рамки дискуссии предельно широко: товарность — антитоварность, стоимость — потребительная стоимость, производство вещей — производство общества. В этом стиль мышления этого ученого, он отличался от других, обладая способностью взглянуть на явление не так, как все, по-другому, критически. Он был вне мейнстрима и не боялся выступать против господствующих позиций в науке, он говорил «нет», когда все говорили «да», и нас учил (и научил) этому, именно поэтому ему доставалось первому — на его марксизм мы часто говорили «нет». Его тексты были пронизаны гегелевской фразеологией, вот типичный образец: «...В пламени труда потребительные стоимости... как бы уничтожаются, живой труд их “пожирает”, как органы своего неорганического тела...», все это было мало понятно, но производило впечатление (потом я столкнулся с тем, что его тексты почти невозможно было перевести на английский язык). А речь его была, наоборот, совершенно простой и понятной — он как бы рассуждал вслух, частенько апеллируя к пустой доске или стене.

В 1983 г. В.Я. Ельмеев стал заниматься организацией отделения прикладной социологии на экономическом факультете, и тогда я узнал, что он еще и социолог, что он, оказывается, был первым директором НИИКСИ в университете, выдвинул концепцию социального планирования. Социология (тем более прикладная) казалась всем на экономическом факультете «диковинной штукой», но Василий Яковлевич не боялся перемен: оставив солидную тогда кафедру экономики исследований и разработок, он открыл новую кафедру прикладной социологии. Я не очень верил в социологию (и до сих пор не верю, — бог знает, что за наука), но верил только Ельмееву, и пошел за ним, как и многие другие его ученики, о чем никогда не пожалел. Ельмеев умел убеждать, вести людей за собой и быть настоящим научным лидером. При этом он никогда не делал скидок на «убогость» студентов или аспирантов, он разговаривал с ними на равных, требуя от них упорной работы и творческого развития своих идей, которых он никогда не жалел. Щедрость, в научном и обычном жизненном смысле, была его характерной чертой — сколько тем кандидатских и докторских диссертаций он сформулировал, сколько концепций подарил своим ученикам, но и должностей

своих он никогда не жалел — кафедру экономики исследований и разработок без сомнения передал С.В. Валдайцеву, кафедру прикладной социологии — В.Г. Овсянникову, кафедру экономической социологии — Ю.В. Веселову. Да и факультет социологии в 1989 г. был создан на базе отделения прикладной социологии во многом благодаря усилиям и настойчивости Василия Яковлевича Ельмеева.

Другая характерная черта Ельмеева в науке — постоянство. Он никогда не предавал своих мировоззренческих позиций, оставаясь во все времена последовательным марксистом и материалистом, что ценили не только его сторонники, но и оппоненты. Хотя материалистом он был только в науке, в жизни, я бы сказал, он был «идеалистом» — все вещественное его мало интересовало, он никогда не ссылся на какие-то материальные трудности, каждый день на электричке ездил из Петергофа на факультет в Смольный, не жалуясь на неудобства дороги (в отличие от наших молодых коллег), а когда я подвозил его до метро, он замечал, что у меня новая машина, только года через два — все эти машины, квартиры и дачи мало для него значили. Его целью и смыслом жизни были наука и университет. Он никогда не сидел без дела, заканчивая одну книгу, он принимался за другую. Когда мы его спрашивали, почему он так много пишет, он удивленно отвечал: «А что делать-то еще?»

Очень часто, по пути от метро на факультет, Василий Яковлевич покупал на кафедре пироги или ватрушки, он любил «организовать компанию» и, налив рюмочку, рассуждать за столом о самых важных научных проблемах. Тогда я научился у него, что наука «делается» в разговорах между делом, в застольных беседах и общении с людьми. Ценность человеческого общения Ельмеев превозносил более всего и этому учил нас, и во многом благодаря ему на кафедре экономической социологии сложился такой дружный коллектив. Это не значит, что В.Я. Ельмеев был «ангелом небесным», он часто «кипятился», ругая кого-то из нас (часто и за дело) или университетскую бюрократию, и тогда все на кафедре «прятались по углам», говоря: «Василий Яковлевич, выбирайте выражения!», на что он отвечал: «Это я и выбираю еще», но очень скоро он отходил, и все забывалось. Он любил и заботился о нас больше, чем мы о нем, он сделал для нас больше, чем мы для него (и этого уже, увы, не поправишь). Будучи уже тяжело больным, он довел в июне своих студентов-дипломников до защиты. Буквально за день до смерти в Николаевской больнице в Петергофе он спрашивал о своих аспирантах, беспокоился о них, давал мне распоряжения, кому какой курс читать. Да и собственная болезнь для него была несущественной по сравнению с его университетской жизнью, он черпал в ней силы для борьбы с болезнью, он любил жизнь и умел жить, его интересовало все, что проис-

ходило вокруг него, у его постели в больнице стоял телевизор, он следил за чемпионатом мира по футболу, и последние слова его были: «Так все-таки кто выиграл?» — вот вам пример удивительной жизненной силы и человеческой стойкости.

Вот еще одна черта характера Ельмеева — он никогда не унывал и любил пошутить. Не простил бы и нам уныния и безделья. В частности, он смеялся и по поводу собственных похорон — когда его спрашивали, что дает статус почетного профессора университета, Ельмеев неизменно отвечал: «Как же, похороны за государственный счет!» Когда он умер, тогда мы поняли его шутку до конца — «государственного» или другого счета не оказалось. Вот так положено в университете.

Но что теперь нам делать? Какое «завещание» оставил нам Ельмеев? Он очень переживал, что все его ученики напишут по книге для докторской, и все (и это правда). Он научил нас многому — читать и ценить классические тексты, отличать истинное и ложное в науке, разоблачая «интеллектуальных мошенников», он научил нас не соглашаться, настаивать на своей точке зрения и не идти на компромиссы ни с начальством, ни с самим собой. Он научил нас методу — методу и жизни, и науки. Целью всей его жизни было развитие науки на благо людей, и, отдавая долг Василию Яковлевичу, все, что мы можем — следовать этой цели, хотя теперь и без него, но все же и вместе с ним.

Ю.В. Веселов

Мое знакомство с Василием Яковлевичем Ельмеевым состоялось, когда я училась на третьем курсе экономического факультета Ленинградского госуниверситета. В расписании на очередной учебный семестр был обозначен загадочный предмет: «Метод восхождения от абстрактного к конкретному в “Капитале” Маркса». Надо сказать, что к третьему курсу студенты экономического факультета прочитывали «Капитал» вдоль и поперек (а точнее, по диагонали). Это был, практически, основной «первоисточник», из которого черпались знания об «основных экономических законах». На первую лекцию шли с некоторой скучающей обреченностью: ну вот, опять «Капитал»... Выходили с лекции в полной растерянности. Спрашивали друг друга с надеждой: ты что-нибудь понял? Выяснилось, что не понял практически никто. Привычные схемы восприятия текстов Маркса были разрушены. «Капитал» впервые предстал не как набор конечных истин и «гениальных пророчеств», но как реальный инструмент, применимый к анализу социальной реальности, как метод и способ мысли.

В лице профессора Ельмеева в студенческую аудиторию вливалась чистая мыслительная субстанция и заполняла собой все вокруг. Он искусно комбинировал непонятные слова и создавал из них захватывающие философские конструкции. Даже у тех студентов, которым вообще не свойственно мыслить (а таких и в то время было немало), на лекциях Ельмеева начиналось в голове некоторое урчание, и заржавевшие моторчики приходили в движение. Пусковым механизмом служила потрясающая способность Ельмеева мыслить публично. Он не давал готовых ответов, он показывал, как искать ответы и искал их вместе с аудиторией. Фраза «он учил думать» применима к Ельмееву на двести процентов. Он не рассказывал о том, как нужно мыслить, он показывал это своим примером, демонстрируя студентам живой мыслительный процесс. Его лекции состояли из вопросов, проблем и подходов к их решению. Сейчас мало кто из лекторов в сфере социогуманитарных наук пытается мыслить публично, в основном все продумывается заранее, а студентам предлагаются готовые результаты. Мышление на публике — опасный процесс. Кто знает, к какому результату придешь... Василия Яковлевича это не пугало, он всегда действовал без оглядки на чужое мнение и умел отстаивать собственную позицию. Когда марксизм вышел из моды и многие, называвшие себя марксистами, стали критиковать марксизм, Ельмеев остался верен тем взглядам, которые считал правильными, и эта убежденность заставляла многих принимать его позицию.

Ельмеев заражал и завораживал своим способом мышления. А ведь именно способ мышления лежит в основе формирования научной школы или мыслительного коллектива. Именно в деле создания мыслительных коллективов Ельмеев преуспел. Причем действовал он очень деликатным образом. Он генерировал идею, ставил проблему и намечал некоторые подходы к ее решению. Ученики набрасывались на проблему, а он уже шагал дальше. Он не привязывался к своим идеям, отпускал их в свободный полет и всегда радовался, когда его мысли подхватывались и развивались другими, никогда никого не обвинял в плагиате или заимствовании своих идей. Мысль тем и отличается от материальной субстанции, что не принадлежит никому, она общая и существует везде, только надо уметь ее увидеть. В этом отношении материалист Ельмеев сближался с великими философами-идеалистами. Так же точно он не привязывался к должностям, он создавал кафедры и отдавал их своим ученикам. «Василий Яковлевич, вы буквально “следите” кафедрами!» — сказали ему на одном из юбилеев. Ельмеев только добродушно посмеивался. Определенно, он знал какую-то тайну.

Не стало Василия Яковлевича Ельмеева, человека, с чьим именем связана целая эпоха отечественной социологической науки. Не всякому выпадет судьба олицетворять собой историческое время. В случае Василия Яковлевича для истории социологии это, без сомнения, именно так. Социологическая мысль второй половины прошлого столетия в нашем городе ассоциируется с именем Ельмеева. Более того, все поступательные шаги отечественной социологии с послевоенного времени и до сегодняшнего дня отмечены в судьбе Василия Яковлевича.

Образование, полученное на философском факультете Ленинградского государственного университета, стало для Ельмеева трамплином в изучение общества, в особенности потому, что знания приобретались в условиях бурных событий второй половины 1940-х гг. и сверялись с теми задачами, которые решало советское общество. Студент того времени не мог не быть общественно активным и инициативным гражданином. Исходные социологические воззрения Василия Яковлевича сформировались в духе марксистской философии как теория исторического материализма. На протяжении всей своей академической карьеры он сохранил эти воззрения неизменными, что дано далеко не каждому. Последние десятилетия, когда отечественные ученые стали массово сторониться материалистического понимания социальных процессов, Ельмеев прикладывал огромные усилия, защищая и пропагандируя данный подход. При этом Василий Яковлевич никогда не останавливался на достигнутых знаниях, ему было присуще учиться и развиваться постоянно. Поэтому социологические взгляды Василия Яковлевича совершенствовались и углублялись сообразно направлениям его научно-исследовательских интересов и практическим задачам исторического момента.

Одновременно с научной принципиальностью, которая на протяжении всего его творческого пути позволяла ему выступать с твердых марксистских позиций, Василий Яковлевич всегда был новатором, ученым, устремленным к нестандартному поиску новых истин. Именно благодаря этому уже в первых своих самостоятельных исследованиях Василий Яковлевич вышел в ранее неизвестное для отечественных социологов поле, выбрав изучение проблемы социальной природы науки в современном обществе. С марксистских позиций требовались новые объяснения хода научно-технической революции, уточнения ранних положений материалистического понимания истории. Новизна заключалась в обнаружении новых граней соотношения духовного и материального производства. А рост возможностей эмпирических исследований позволял решить данный вопрос на гораздо более серьезном научном уровне. Любопытно, что недавно на заседании кафедры теории и истории социо-

логии РГПУ им. А.И. Герцена мне пришлось стать свидетелем следующего эпизода. Один из аспирантов представлял свою работу по социологии науки, и ему было настоятельно указано на то, что незнание работ Василия Яковлевича Ельмеева в этой области является серьезным упущением. А ведь с их выхода прошло около полувека, но его идеи сохраняют свою важность и продолжают быть востребованными.

Проблема соотношения науки и производства, интеллектуальной и материальной сторон жизнедеятельности человека всегда находилась в центре внимания Василия Яковлевича. Но марксистских решений, предложенных в XIX в., было явно недостаточно. Ельмеев развивал идею о том, что производство должно рассматриваться социологически не в разрезе вещественного продукта и его свойств, а с социальной стороны, как производство общества и человека. В таком случае именно человека следует рассматривать в качестве ключевого звена системы общественного производства. Но, с другой стороны, именно производство, трудовая жизнедеятельность создают и развивают человека, служат механизмом социализации его важнейших черт. Эти идеи послужили основой рассмотрения единства экономических и социальных процессов, что только в 1980-е гг. начало осознаваться отечественными учеными и вылилось в необходимость обособления экономической социологии.

Первые социологические исследования, проведенные Василием Яковлевичем, касались именно отношения человека к труду, роли научных методов на производстве. Более широкие разработки этих вопросов в 1960-е гг. привели Василия Яковлевича к выводу о необходимости планирования социального развития трудовых коллективов, что было успешно реализовано на предприятиях нашего города, начиная с ПО «Светлана». Позднее была проделана большая работа по разработке планов социально-экономического развития г. Тихвина. Эти исследования послужили базой последующих теоретических обобщений, выразившихся в концепции общественного воспроизводства, которая стала интереснейшим решением проблемы историзма социальной реальности.

Нельзя не отметить, что Василий Яковлевич придерживался позиции, согласно которой общественное развитие должно прийти к отрицанию капиталистической фазы истории. Поэтому многие его работы, особенно последнего периода, посвящены теме преодоления капитализма, его исторической ограниченности и неизбежной смены другими, более совершенными общественными формами. Доводы к этому он черпал из воззрений на человека как производительную силу общества, которая устремлена к преодолению эксплуатации.

Долгое время «изюминкой» социологической методологии Василия Яковлевича Ельмеева являлся метод восхождения от абстрактного

Памяти Василия Яковлевича Ельмеева

к конкретному, в этом сказывался интерес Василия Яковлевича к единству теоретического и эмпирического путей познания в социологии, т. е. к той проблеме, которая обострилась в XX в. и которая не могла быть решена без глубокой методологической проработки.

Социологические труды Василия Яковлевича Ельмеева глубоко проникли в поры отечественной социологической мысли, а его новаторские и перспективные идеи долго будут питать умы новых поколений исследователей общества.

М.В. Синютин